

ГРУЗИЯ — АБХАЗИЯ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К СОГЛАСИЮ¹

Общеизвестна истина, что всякая война завершается миром. Однако долгожданный мир приходит не сразу. Окончание боевых действий отнюдь не означает, что стороны немедленно готовы политическими методами решить проблемы, которые не удалось разблокировать на полях сражений. Должно пройти время, порой немалое, чтобы стороны смогли избавиться от инерции конфронтационного мышления и перейти от категорического неприятия позиции противника, высшей степенью которого (неприятия) является война, к диалогу, основанному на трезвом понимании возможностей альтернативных решений и взаимных компромиссов.

Любой социальный конфликт, в том числе и межэтнический, индивидуален, поэтому общие закономерности лишь отчасти могут объяснить логику его возникновения и динамику развития. Столь же индивидуален и путь сторон к миру. Он часто не укладывается в ожидаемые рамки, так как нередко соображения логики и целесообразности отступают перед аргументами совершенно иного свойства, определяемыми обычным в практике закулисной дипломатии стремлением «перехитрить» партнера, получить односторонние политические выгоды, закрепить результаты войны либо, наоборот, их скорректировать и т.п.

В то же время «мирную» стратегию сторон формируют и иные приоритеты. Последние в значительной степени детерминируются некими константами массового исторического и этносоциального самосознания, сквозь призму которых данный этнос рассматривает предысторию конфликта, войну и ее результаты, а также желаемые контуры будущего мира. Соображения этого рода не всегда вербализуются на официальном уровне. Однако зачастую именно их доминантное влияние оказывается истинным препятствием на пути достижения реального мира и согласия.

Коллизии длящегося уже четыре года грузино-абхазского мирного диалога дают немалую возможность проследить за этим весьма специфичным и своеобразным феноменом, продолжающим оставаться как бы вторым планом переговорного процесса.

В комплексе общественных настроений, связанных с войной, важное место

---

¹ Содержание доклада, подготовленного для конференции «Грузины и абхазы. Поиски согласия и роль международного сообщества». Брюссель, 12—14 июня 1997 г.

занимает оценка сторонами исторического опыта абхазо-грузинских взаимоотношений. Для абхазов — это опыт абсолютно негативный. Его главные вехи рассматриваются в контексте представлений о «100-летней войне Грузии против Абхазии»¹, а основным содержанием считается постоянное стремление Грузии политически, демографически и этнически инкорпорировать Абхазию. Истоки противостояния историческая память абхазов относит еще к дореволюционному периоду, однако считается, что тотальное наступление Грузии на Абхазию падает на советские годы, достигнув своего апогея в период сталинщины.

Многие события этого периода весьма болезненны для современной исторической памяти абхазов, в частности последовательное снижение государственно-правового статуса Абхазии (1921 г. — Советская Социалистическая Республика; 1931 г. — Автономная республика в составе Грузинской ССР), проводившаяся в конце 30-х — начале 50-х гг. репрессивная политика грузинизации и осуществлявшееся в те же годы массовое заселение абхазских земель переселенцами из Грузии, официально утвержденная в качестве «научной истины» концепция об этническом тождестве абхазов и грузин.

В постсталинский период наиболее одиозные формы грузинизации были преодолены, однако формальный характер властных полномочий автономной республики, мелочная зависимость местного руководства от тбилисского центра, который действительно в ряде случаев мог навязать Сухуму те или иные решения, оставались раздражающим фактором в грузино-абхазских отношениях. Несколько раз — в 1957, 1964, 1967, 1987 гг. ситуация становилась взрывоопасной, а в июле 1989 г. имели место кровавые межэтнические столкновения с жертвами с обеих сторон.

Антигрузинские настроения в Абхазии получили новый импульс в последние предвоенные годы и были напрямую связаны с политическими процессами в самой Грузии, где все большее развитие получали этнократические, унитаристские и шовинистические тенденции. Достаточно проявившие себя в период последних коммунистических правителей, они пышным цветом расцвели при режиме Гамсахурдиа, когда открыто стали раздаваться голоса о том, что в независимой и суверенной Грузии не должно быть никаких автономных этнических образований. Приход к власти крайне непопулярного в Абхазии Эдуарда Шеварднадзе и последовавшая за этим новая волна политической и идеологической конфронтации между Суху-мом и Тбилиси закрепила в массовом сознании абхазов тезис об

---

¹ Лакоба С. Столетняя война Грузии против Абхазии. Гагра. 1993.

извечной враждебности Грузии к Абхазии, усилив тем самым стремление к дистанцированию.

В то же время массовое сознание грузин сформировалось под влиянием двух констант. Существенную роль играют представления о том, что Абхазия является исконной, составной частью Грузии, что она всегда ей исторически принадлежала, поэтому перспектива самостоятельного и индивидуального развития Абхазии воспринимается как нонсенс, посягательство на неотъемлемые территориальные права Республики Грузия. Исторические обоснования до сих пор играют важную роль в официальной тбилисской идеологии, и на самом высоком уровне неоднократно делались заявления о том, что «в Грузии нет ни пяди негрузинской земли», что «Грузия никому не уступит свои исконные земли» и т.п.

Весьма распространено и другое мифологизированное представление — о некоей патерналистской роли Грузии по отношению к абхазам. Считается, что абхазы, которые в составе Грузинской республики имели самые благоприятные условия для социокультурного развития, смогли (опять-таки благодаря целенаправленным заботам грузин) сохранить свое этническое лицо, в отличие от кавказских народов российских автономий, подвергшихся якобы тотальной русификации. Поэтому в массовом сознании грузин держится стойкое представление о «неблагодарных» абхазах, которые незаконно стремятся отделиться от Грузии.

Таким образом, в своем видении будущего мирного сосуществования каждая сторона опирается на собственные стойкие исторические и этнокультурные представления о прошлом опыте грузино-абхазских взаимоотношений, негативные черты которого должны быть элиминированы — думается, нет нужды говорить, что негативные черты каждая сторона воспринимает по-своему.

Другим существенным фактором, который затрудняет достижение консенсуса, является несовпадение взглядов по вопросу о сущности того, что происходило в Абхазии в 1992—1993 гг. Для абхазов события тех лет являются межгосударственной войной между Грузией и Абхазией. Еще в самом начале боевых действий 15 сентября 1992 г. президиум Верховного Совета Абхазии принял постановление, в котором было декларировано, что «вооруженное нападение войск Госсовета Грузии на Абхазию 14 августа 1992 г. и оккупация части ее территории» являются «актом агрессии против Республики Абхазия»¹. Позднее в общественном сознании абхазов укрепился тезис об отечественном и освободительном характере войны, которую вел абхазский народ против грузинских оккупантов.

Грузинская сторона долгое время не могла, да и сейчас не может дать четкого определения происходивших событий. Первые официальные оценки ситуации прозвучали на третий день после начала военных действий. 17 августа 1992 г. Госсовет Грузии выступил с заявлением, в котором отметил, что предшествовавшие события в Абхазии означают «пересмотр существующих границ Грузии и откол от нее части ее территории», а также «попытку завершения процесса узурпации власти и установления моноэтнической диктатуры». Этими обстоятельствами Госсовет обосновывал необходимость ввода войск в Абхазию, заявляя при этом о своей решимости «загасить конфликт в самом начале»².

Однако, как известно, конфликт не удалось загасить ни в самом начале, ни в гораздо более поздние сроки. Происходившие в конце августа — в сентябре столкновения грузинских и абхазских частей приобретали характер масштабных боевых действий, которые все труднее стало идентифицировать с понятием «конфликт». В итоге в официальном тбилисском лексиконе появилось понятие война, которое со временем пропагандистской машиной стало трактоваться как «борьба за территориальную целостность Грузии». Однако уже на ранних стадиях военных действий появилось и более «сильное» определение, принадлежащее Эдуарду Шеварднадзе, который заявил в одном из своих интервью, что происходит «агрессия международного терроризма против суверенного государства»³. После поражения грузинских войск под Гаграми в начале октября 1992 г. понятие «агрессия» стало неотъемлемой частью пропагандистских клише и официальных заявлений грузинской стороны. Так, в письме Госсовета от 2 октября 1992 г. Генеральному секретарю ООН Бутросу Бутросу Гали утверждалось, что «грузинские войска оказались объектом неприкрытой агрессии»¹. Об «агрессии», иностранной интервенции и т.п. немало говорится в Грузии и сегодня.

Естественным образом разнятся оценки сторон и практических результатов войны. В абхазском самосознании война закончилась изгнанием грузинских оккупантов с территории республики, освобождением родины, победой в справедливой отечественной войне, в которой абхазский народ отстаивал свое право на национально-государственное самоопределение. Грузинское самосознание крайне уязвлено фактом военного поражения и фактической суверенизацией Абхазии. Рассматривая прошедшую войну как агрессию, грузинская сторона

---

¹ Абхазия. Хроника необъявленной войны. М., 1993, ч. 2. С. 9.

² Памятная записка «О событиях в Абхазской автономной республике» // Свободная Грузия /далее — СГ/. 1992. 20.08.

³ Шеварднадзе Э. Шулерское разыгрывание этнонациональных «карт» создаст проблемы не только в Грузии // СГ. 1992. 3.09.

оценивает ее результаты в адекватных терминах, в частности говорит об аннексии части территории Грузии. Это понятие, кстати, также было сформулировано на начальных стадиях военных действий. Так, занимавший в тот период важный правительственный пост Александр Кавсадзе отождествил ситуацию, сложившуюся после гагринского поражения грузин и их вынужденного ухода с гагринского плацдарма, как фактическую аннексию части территории Республики Грузия². В одной из последних грузинских политических деклараций, заявлении Верховного Совета Автономной Республики Абхазия (АРА) в изгнании, сделанном 18 апреля 1997 г., также говорится об «оккупированном исконном историческом крае Грузии»³.

Расходясь во многих деталях, грузинские и абхазские оценки войны сходны в одном, в отрицании этнического характера абхазо-грузинского столкновения. И в Тбилиси, и в Сухуме настаивают на политических истоках взаимных противоречий. В известном смысле так оно и есть. Однако противоречия политических элит, будучи перенесенными на уровень массового сознания, не могли не вызвать нарастание чувств этнической неприязни, которые, будучи отягощены потерями и жертвами начавшейся войны, привели к углублению негативных эмоций, оформившихся в стойкую взаимофобию, когда все этнопротивоположное воспринимается как враждебное, ненавистное, неохраемое никакими нравственными или моральными законами, а следовательно с необходимостью подлежащее уничтожению и разрушению.

Присущие всякой войне, в грузино-абхазской эти настроения вылились в акции взаимной жестокости и вандализма. В несколько завуалированной форме грузинская сторона в специальном заявлении Комитета по правам человека и международным отношениям официально признала факты жестокостей, совершавшихся по отношению к противнику, в частности, пытки заложников и пленных, «набеги на мирное население»⁴ (этот эвфемизм подразумевал грабежи и мародерство) и др.. К проявлениям «этнической» войны относятся и факты сожжения 22 октября 1992 г. в Сухуми Государственного архива Абхазии и Института языка, литературы и истории. Очевидно, что эти объекты не могли иметь военного значения, поэтому их уничтожение следует расценивать как попытку нанести урон духовному наследию противника. Примерно в это же время нечто подобное происходило и на Балканах, где сербская артиллерия на протяжении 1992

---

¹ СГ. 1992. 3.10.

² СГ. 1992. 13.10.

³ СГ. 1997. 19.04.

⁴ СГ. 1993. 12.01.

г. целенаправленно разрушала Дубровник. Разрушительные обстрелы величайшего памятника общеславянской культуры также не были вызваны военной необходимостью. По словам профессора Йельского университета, этнического хорвата Иво Бонаца, их цель состояла в том, «чтобы нанести тяжелую травму наиболее интимным сторонам хорватского национального сознания»¹. Проявления этнической нетерпимости были присущи и абхазам. Тесня в конце сентября 1993 г. грузинские войска, наступавшие абхазские части подвергли тотальному разрушению грузинские села, жители которых; к тому времени покинули свои дома, бежав на территорию собственно Грузии.

Психологические установки обоих народов в настоящее время не изменились, поэтому следует учитывать, что дорога к реальному миру может быть затруднена еще одним обстоятельством — резкой взаимной антипатией между грузинами и абхазами. Сегодня в массовом сознании преобладают крайне негативные, сниженные, уничижительные образы и оценки друг друга. Период политической и идеологической конфронтации, а затем война изменили традиционные оценочные установки, наполнив их однозначно негативным содержанием. В этом отношении весьма разителен грузинский пример. Для грузин в целом были характерны достаточно высокие представления об абхазах, которые воспринимались как народ с богатой традиционной культурой, в ряде отношений даже референтной по отношению к грузинской. «Воспитан (хорошо) как абхаз», — эта мегрельская поговорка красноречиво свидетельствует о признании абхазских культурных стандартов эталонными и идеальными для местной кавказской этнокультурной среды. Героизация и идеализация образа абхаза была характерна и для грузинской классической литературы, в частности творчества Акакия Церетели и Константина Гамсахурдиа.

Однако с началом конфликта традиционные стереотипы стали меняться, положительные характеристики уступили место отрицательным, высокие степени оценки вытеснены уничижительными и резко негативными характеристиками. Массовое сознание грузин стало воспринимать абхазов как некий дикий, нецивилизованный и малокультурный народ, не имеющий собственных этнокультурных потенциалов, неспособный к саморазвитию и усвоению высоких культурных стандартов. Роль абхазов в истории Грузии стала оцениваться крайне негативно. В соответствии с точкой зрения некоторых грузинских ученых, которая стала в тот период усиленно популяризироваться, абхазы воспринимались как относительно недавние мигранты из горных областей Северо-Западного Кавказа,

---

¹ Сегодня. 1993. 25.01.

переселившиеся на рубеже XVII—XVIII вв. на исконные грузинские земли, при этом частью вытеснив, частью ассимилировав жившее там аборигенное грузинское население.

В таком же противоречии с истиной было и распространившееся представление о поголовном мусульманстве абхазов, что в массовом сознании грузин служит негативной характеристикой. В этом отношении характерна фраза, брошенная в газете «Свободная Грузия» одним из наиболее резких критиков Владислава Ардзинбы: «Чего еще можно ждать от человека, который много лет назад сказал: я — мусульманин и сделаю все, чтобы присоединиться, к мусульманскому миру»¹. Получается, что присоединение к одной из трех мировых религий — исламу — сам по себе поступок недостойный, а человек, желающий этого, способен лишь на самые низменные деяния.

Вдобавок к представлениям о поголовном мусульманстве абхазов, последние воспринимались как сильно обрусевший народ, что в массовом сознании грузин также является однозначно негативной характеристикой. В качестве главного аргумента обрусения абхазов указывается на высокий (по сравнению, в частности, с грузинами) процент лиц, не владеющих родным языком, а являющихся русскоязычными, отсутствие среднего и высшего образования на абхазском языке, а также политическое тяготение к России.

Тяготение Абхазии к России действительно имеет место, и в данном случае, вероятно, нельзя отрицать тот факт, что билингвизм абхазов дает им возможность свободной ориентации в основных параметрах российской культуры, что, естественно, стимулирует постсоветские интеграционные мотивации и, соответственно, незнание грузинского языка оставляет соответствующую культуру для абхазов закрытой, что при прочих равных условиях всегда служило бы дезинтегрирующим фактором.

Тем не менее основным фактором российской ориентации абхазов являются историко-политические причины, но не культурно-бытовые, тем более, что так называемое обрусение абхазов является не более чем конъюнктурным мифом. Сокращение сферы функционирования абхазского языка не повлекло за собой размывания этнического самосознания народа и его перехода на русские культурно-бытовые стандарты, в случае чего и можно было бы говорить об обрусении абхазов.

Однако данная реальность, которая является очевидной для любого непредвзятого взгляда, игнорируется грузинской стороной. Само «обрусение» абхазов в Тбилиси объясняют сознательным стремлением кремлевских политиков

оторвать абхазов от грузин, заменить якобы исторически присущую абхазам грузинскую ориентацию на российскую и тем самым прочно утвердить российское присутствие на грузинской земле Абхазии.

Эта константа современного общественного самосознания грузин является частью более широкого пласта нынешних общественных настроений, связанных с российско-грузинскими отношениями, их историческим контекстом и перспективой, которые в конечном счете сформировали негативные представления грузин о России и русских. Эти представления исходят из убеждений об отрицательном для Грузии опыте взаимоотношений с Россией. Так, грузины считают свою страну дважды аннексированной Россией — первый раз в 1801 г., когда император Александр I, низложив династию Багратиони, упразднил Картлийско-Кахетинское царство, введя его в административную и территориальную систему Российской империи; второй раз, в 1921 г., когда войска Советской России вторглись на территорию Грузинской демократической республики, свергли ее правительство, приведя к власти местных коммунистов. Особенно эмоционально воспринимается история 70-летнего советского режима. Этому периоду дают исключительно негативные оценки как эпохе социального и культурного регресса, связанного с целенаправленным подавлением национальной энергии грузинского народа, ущемлением его этнических прав.

При этом весьма живуч тезис о некоей тайной нелюбви русских к Грузии. Вышеназванные негативные тенденции в советской истории Грузии как раз и связываются со скрытой грузинофобией русских, испытывавших порой ненависть к свобододолюбивому грузинскому народу, неоднократно пытавшемуся вырваться из оков советской империи. Эту константу грузинского самосознания выразил даже Эдуард Шеварднадзе. В своем обращении к Борису Ельцину в дни сражений за Сухум, обвиняя его в неоказании помощи, президент Грузии писал: «В чем мы провинились перед Россией и миром? Не в том ли, что в который уже раз в истории грузинского народа пожелали себе свободы и независимости?». В целом это корреспондирует с массовым представлением грузин о «жертвенном» характере их истории, о том уроне, который понес грузинский народ в эти годы, и о тех кознях, которые Россия постоянно строила против Грузии.

Важным является то, что в целом абхазскую проблему в Грузии также рассматривают сквозь призму русского комплекса. Все трудности в грузино-абхазских взаимоотношениях объявляются следствием российских происков. Само образование большевиками в 1921 г. национальной советской государственности

---

¹ Наши народы невозможно разделить // СГ. 1993. 24.03.

абхазов считается звеном хитроумного русского плана по ослаблению Грузии, закладыванию в ее унитарный государственный организм зерен будущего сепаратизма. Зарождение абхазского национального движения в 60-х годах также не воспринималось как нечто самостоятельное. По распространенному в Грузии мнению, Абхазия в составе Грузинской ССР имела самые благоприятные условия для социально-экономического и культурного развития, не сравнимые с тем угнетенным положением, в котором находились другие советские автономии, входившие, в частности, в состав Российской Федерации. Вследствие этого считалось, что у абхазов не было причин для недовольства, а периодически вспыхивавшие абхазские волнения, направленные на выход Абхазии из состава Грузии, объяснялись опять-таки происками Кремля. На эту особенность грузинского общественного сознания обратил внимание Г. Нодиа, отметивший, что «в абхазах или в осетинах не видели людей, борющихся за свои права; они выступали на «их» (Кремля) стороне против «нас» (Грузии)»¹. До сих пор в Грузии бытует мнение, что все политические потрясения, которые перенесла республика за последние годы, в том числе и конфликты в Абхазии (и в Южной Осетии), были инспирированы некоей «третьей силой», под которой, как правило, подразумевается Россия и ее тайные агенты.

Данная константа общественного сознания грузин проявилась и в оценке причин, хода и результатов войны 1992—1993 гг.

Для многих в Грузии с самого начала не вызывало сомнений, что война в Абхазии была задумана и спланирована в кремлевских кабинетах. Виднейший деятель современной грузинской культуры академик А. Бакрадзе утверждал, что «мы (т.е. грузины. — Ю.А.) знаем, какой коварный план замыслило российское правительство против Грузии. России выгодно создать карабахскую ситуацию в Абхазии...»². Гагринское поражение грузинских войск дало новый повод для утверждений о российской вовлеченности в конфликт. В письме Государственного совета Грузии Манфреду Вернеру говорилось о том, что «совершенно очевиден заговор абхазских сепаратистов с реакционными силами России»³. Эдуард Шеварднадзе неоднократно поддерживал эту позицию, заявляя, например, о том, что за спиной абхазских сепаратистов стоят «мощные имперские и фундаменталистские силы»⁴. Уже цитированное заявление Верховного Совета АРА в изгнании еще более

---

¹ Нодиа Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 96.

² СГ. 1992. 4.11.

³ СГ. 1992. 6.10.

⁴ СГ. 1993. 1.01.

определенно. «Инспиратором конфликта, — говорится в нем, — оказалась соседняя с нами страна — Российская Федерация, — под непосредственным руководством и при участии реакционных сил которой сегодня оккупирован исконный исторический край Грузии»¹. Однако что из себя представляют «реакционные силы» не совсем ясно, так как их определения разнятся и несколько расплывчато именуется то российским генералитетом, то кругами коммунистической оппозиции, то шовинистической великодержавной силой, а порой и всем вместе.

Очевидно, что за настойчивым стремлением сделать Россию единственным виновником и ответчиком по делу скрывается желание грузинской стороны найти оправдание своему поражению в войне, тем более, что массовое сознание грузин охотно принимает подобную версию. Вера в нее облегчается и общим фоном антирусских настроений в Грузии. Однако подобная позиция не может не быть препятствием на пути к мирному взаимопониманию, так как сужает возможности грузинской стороны адекватно оценить собственные роль и ошибки, приведшие к эскалации трагических событий 1992—1993 гг., и соответственно ограничивает возможности рационального дипломатического маневра.

Основной момент нынешнего этапа переговоров — это вопрос о будущем политических взаимоотношений Грузии и Абхазии. Как известно, стороны придерживаются по этому вопросу явно противоположных позиций. Грузинское общественное сознание с трудом адаптирует идею федеративного устройства. Прозвучавшее некогда заявление Эдуарда Шеварднадзе о том, что Грузия не готова к этому, очень точно отражает существо дела. Во всяком случае еще несколько лет назад в Грузии мало кто допускал мысль о том, что будущее развитие республики возможно вне унитаризации ее государственно-политического устройства. Так, анализ программ грузинских политических партий, шедших на парламентские выборы в октябре 1992 г., показывает, что большинство из них видело Грузию либо унитарным государством, либо, если существование автономий допускаюся, последние должны были находится под жестким контролем центральной власти.

Позиция Эдуарда Шеварднадзе была не менее определенной.

Выступая в парламенте 17 ноября 1992 г., он отверг идею федеративных связей между Грузией и Абхазией, заявив, что власти Грузии «готовы рассматривать лишь вопрос об уточнении правового статуса Абхазской автономии»². Последнее, по мысли Э.Шеварднадзе, было единственным, на что могли рассчитывать абхазы в составе Грузии. Весьма симптоматична и тональность обсуждения в грузинском

---

¹ СГ. 1997. 19.04.

² СГ. 1992. 20.11.

парламенте соглашения от 4 апреля 1994 г. Последнее было подвергнуто резкой критике со стороны законодателей, так как оно, по мнению большинства парламентариев, подрывало унитарные основы Грузинского государства, обрекая его на федеративное и более того, конфедеративное устройство.

Между тем, идея федерализации как возможный путь решения грузино-абхазского конфликта, хотя и не без труда, но пробивает себе дорогу в Грузии, где многие уже понимают, что классический унитаризм вряд ли может стать основой внутреннего устройства государства. Последнее грузинская сторона рассматривает как серьезный компромисс. Однако, как представляют в Тбилиси реальные контуры будущего федеративного союза, понять трудно.

Самые высокопоставленные грузинские чиновники, в том числе Эдуард Шеварднадзе, неоднократно заявляли, что в составе Грузии Абхазии будут предоставлены предельно широкие полномочия автономного самоуправления, учитывающие мировой опыт и соответствующие правовые стандарты. В качестве атрибутов самостоятельности Абхазии представляется право иметь собственную конституцию, герб, флаг, гимн и т.д.

Весьма показательны и некоторые другие нюансы грузинской позиции, в частности заявленная некогда позиция о том, что Грузия даст Абхазии такие же полномочия, которые Россия предоставит Чечне. Озвученная Эдуардом Шеварднадзе в разгар военных действий в Чечне, эта позиция отражала уверенность Эдуарда Шеварднадзе как в конечной победе федерального Центра над силами чеченского сепаратизма, так и в жестком подходе Москвы к послевоенному обустройству отношений между Центром и Чечней. Нынешняя ситуация в российско-чеченских отношениях, по понятным причинам, делает невыгодным ссылки на чеченский статус как на прообраз будущей правосубъектности Абхазии, а потому риторика на эту тему исчезла из официального грузинского лексикона.

Что касается Абхазии, то ее лидеры уже избавились от романтизма первых месяцев, наступивших после победы, когда в Сухуме серьезно рассчитывали на окончательное отделение от Грузии, обретение полной независимости и международное признание. Ныне Абхазия вынуждена согласиться с возможностью сосуществования с Грузией в рамках некоего единого (общего) государственного образования, которое, таким образом, восстановит советские границы Грузинской ССР.

В то же время в Абхазии не приемлют ту модель внутреннего устройства этого государства, которую предлагают в Тбилиси, в частности, любые варианты автономного вхождения Абхазии в состав Грузии с сохранением во

взаимоотношениях между Сухумом и Тбилиси административной вертикали. Обещания, что Абхазии будут предоставлены широкие автономные права, в том числе право иметь конституцию, гимн, герб, флаг и т.д., звучат не более как пустая декларация, особенно в свете исторических параллелей: в период предшествовавшего автономного пребывания в составе Грузии большинством атрибутов из перечисленного ряда абхазы уже владели, однако это не спасло грузино-абхазские отношения от трудностей и конфликтов. Кроме того, в Абхазии уверены, что обещанные «широкие права» тбилиским руководством на практике никогда не будут реализованы. Однако прежде всего в Сухуме считают, что грузинские предложения не учитывают нынешних реалий, в частности войну и ее результаты.

В конечном итоге в рамках союзного государства Абхазия готова строить свои взаимоотношения с Грузией лишь на равносубъектной основе, и этот принцип, считают в Сухуме, должен быть положен в основание будущего государственного устройства. Соответственно Сухум отказывается предоставить Тбилиси какие-либо исключительные полномочия, соглашаясь лишь на сферу совместной компетенции в таких областях государственной жизни, как внешняя политика, оборона, финансы, пограничная и таможенная служба и некоторые другие.

Дипломатическая активность, наблюдавшаяся летом 1997 г., кульминацией которой стала сенсационная встреча 14 августа в Тбилиси Эдуарда Шеварднадзе и Владислава Ардзинбы, породила надежды на серьезный прорыв по пути мирного урегулирования конфликта. Однако прошедшее время надежд не оправдало. Обе стороны приостановили начатое было движение; российский посредник, столь бурно и целеустремленно взявшийся за дело, неожиданно вновь ушел в тень, переговорный процесс перешел в обычную для него вялотекущую стадию.

В целом летний дипломатический переполох принес больше вреда, чем пользы, закончившись не только безрезультатно, но и заронив у сторон новые основания для недоверия друг другу.

Теперь, чтобы Э. Шеварднадзе и В. Ардзинба вновь встретились за столом переговоров, нужны гораздо большие дипломатические усилия либо некие экстраординарные обстоятельства, которые заставят обоих лидеров выйти на уровень реальных договоренностей.

Вследствие этого позиции сторон пока не претерпели существенных изменений, и, в частности, Тбилиси вновь попытался интенсифицировать свои действия по уже апробированному направлению. Так, на встрече глав стран СНГ в октябре 1997 г. в Кишиневе Э. Шеварднадзе в очередной раз отметил

неэффективность миротворческих усилий России и потребовал от президента Б. Ельцина ужесточения блокадных санкций против Абхазии, а также более решительных действий в деле обеспечения возвращения грузинских беженцев.

Впрочем, миротворческая стратегия России действительно нуждается в корректировке, так как в настоящее время носит весьма двусмысленный характер. Если на р. Ингури российский миротворческий контингент является сегодня единственной гарантией невозобновления боевых действий на линии грузино-абхазского противостояния, то осуществление российскими пограничниками блокадных санкций против Абхазии на другой границе, по р. Псоу, подбрасывает уголья в тлеющий конфликт, так как очевидно, что блокада является одной из самых действенных мер из арсенала войны, но не мира.

Между тем миротворческий потенциал России может раскрыться не на путях блокадного удушения одной из сторон в конфликте и не в попытках навязать сторонам тот или иной вариант мирного соглашения, а в том, чтобы вывести Тбилиси и Сухум на прямой, независимый и самостоятельный диалог друг с другом. Понятно, что для этого должны быть созданы соответствующие условия, и первыми шагами в этом направлении как раз и должно стать полное, безоговорочное, без всяких предварительных условий снятие блокады с Абхазии. До тех пор, пока одна из сторон будет ждать окончательного удушения партнера, а другая готовится к новому ужесточению против себя блокадных санкций и возможному вторжению из-за реки, нормального диалога не получится. Но как только стороны поймут, что отныне свои проблемы они должны решать только сами, вдвоем, без оглядки на помощь или враждебность третьих сил; когда станет ясно, что механизмы достижения мира должны соизмеряться лишь с собственными ресурсами и возможностями, тогда стороны смогут проявить политическую волю и начать реальные поиски пути к миру.